

— Вы достаточно состоятельный человек, чтобы каждому гостю давать новые тапочки?

— А где, вы полагаете, я ему буду давать новые тапочки?

— В вашей квартире.

— Нет, где, в какой стране мира?

— Вот здесь, в вашей московской квартире...

— Если бы я жил на Западе, то я, может быть, каждому человеку покупал бы тапочки. Там, как вы знаете, не очень приглашают в дом людей. Если бы у меня в полдогода один-два человека были в гостях, я бы, наверное, покупал тапочки. Поскольку в Москве проходной двор, приходят и уходят, вот сейчас позвонили из журнала «Семья», материалы принесут, и каждому я буду давать тапочки. Так мне понадобится целая тапочечная фабрика.

— У вас достаточно средств, чтобы открыть тапочечную фабрику?

— А зачем мне нужна тапочечная фабрика?

— Ну, дивиденды будут капать...

— Нет, я не занимаюсь бизнесом.

— Кроме того, мне показалось, что вы не хотите выглядеть смешным. Если в Москве об этом разнесется слух, вам не нужна такая реклама...

— Нет, почему. Давать каждому человеку новые тапочки — вполне возможно.

— Второй мой вопрос: помогите мне, что-то там про жизнь в коридоре мы успели поговорить. Я жаловался, сколько жизни могу отнять у вас, а вы сказали как-то очень хорошо.

— Что я ничего из своей жизни, ни одной минуты отнять не могу. Все мои.

— Вычеркнуть, так сказать.

— Да. И хорошие минуты, и плохие.

— Муслим, мне кажется, лучшее мое интервью будет с вами. Я его не запланировал, и поэтому оно будет лучшим. Скажите, в каком состоянии, когда я на вас свалился, я застал вас? Вот такая же ситуация у Пушкина: «Поговорим о бурных делах Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви». А теперь послушайте эмигранта, умирающего в бедности, нищете, Георгия Иванова: «Все туман. Бреду в тумане я. /Суки и непонимания. Ни с ученым или неучем/ Говорить мне, в общем, не о чем». Я на вас свалился, начинаю мучить. Чему вы соответствуете? Эти сорок минут, пока я буду с вами, соответствуют какому настроению, какой картинке? Пушкинской или Георгия Иванова?

— Я буду человеком среднего сословия, обывателем.

— Теперь идиотский вопрос, доведенный до абсурда. Попробуйте серьезно или иронически, как хотите, по шестибальной шкале, как оценивают фигуристов, оцените свой ум.

— Ну, у меня умственные способности очень нормальные. Не выдающиеся. Потом, я думаю, что каждый человек, наделенный каким-либо талантом, мог бы достичь большего, если бы правильно развивался. Но мы склонны особенно в это не вникать, останавливаясь на том, что достигнуто. Литература? Я не люблю романы. Я себя много раз заставлял читать, например «Двенадцать стульев». Я не понимаю этого юмора. Мне не смешно. Хотя я знаю, что люди просто заливаются от смеха. Мне не смешно, такой у меня склад. Я люблю очень читать фантастику. Мне нравится то, что не связано с Землей, с нашей реальной жизнью, все, что творится там, где неизведанно, то, что под землей, под океаном, на небе, на других планетах. Меня это больше волнует. Поэтому я с удовольствием поглощаю фантастику.

— Ваши поклонницы и поклонники скажут: «Дурачина ты, простофиля», — после того, как вы не ответили на вопрос. Дайте все же себе оценку по шестибальной шкале.

— Ну как я могу поставить, все познается в сравнении. В сравнении с кем?

— С шестью мудрецами. «Шесть мудрецов в одном тазу пустились по морю в грозу».

— Ну если сравнивать себя с мудрецами — я могу поставить себе двойку.

— Замечательно.

— А по сравнению с нормальными людьми я могу поставить себе четверку.

— Хорошо, спасибо, это больше, чем я просил. Как музыкант, как певец — поставьте себе оценку.

— Как певец, тоже в сравнении с кем?

— В сравнении с Нейгаузом, Тосканини, Шалляпиним.

— Тройку. Конечно, в сравнении с Тосканини, с Рихтером. Я себе как музыканту поставлю тройку. Но, простите, мне тогда не хватит баллов в этой шестибальной системе, если я начну себе ставить оценку по сравнению с нашими некоторыми певцами, которые поют на сцене и довольно популярны. Некоторые не знают, где нота «до» находится.

— Позвольте вам подарить книжку московского хулигана, нафаршированную матом. Возьмете?

— Я буду учиться материться? На склоне лет хочется говорить нормальным человеческим языком.

— После того, как ответите на мой вопрос, не могли бы вы тоже спрашивать: «А вы, Олег, что думаете?». А я буду говорить искренно, что не могу с вами соперничать.

— Когда мой водитель начинает мне говорить, что, знаете, трамблер полетел, надо пойти и вот такую запчасть купить (и называет ее и объясняет мне, куда вставить), я отвечаю, я же вам не рассказываю, как надо партитуру оркестровую писать. Что бы мне рассказываете, как в машине и чего. Я понятия не имею. Вот вам деньги, пойдите и возьмите, что надо. Я, например, не хочу свой мозг засорять, как машина устроена, где у нее что стоит. Хотя есть люди, которые очень любят поковыряться. Мой мозг не воспринимает этого, не хочет воспринимать. Мне надо сохранить свои клеточки для музыки, для партитур, нам надо очень много текста в голове держать, надо запоминать много песен, надо учиться играть на рояле, надо фонограммы писать оркестровые на компьютере. Поэтому заниматься машиной у меня нет никакой возможности.

— Вы осмелитесь в конце нашего интервью сравнить свои умственные способности с моими? Можно я задам вам этот вопрос последним?

— Мы совершенно разные люди.

— Прекрасно. Тогда свои музыкальные способности сравните с моими способностями аналитика. Я учился на раввина. Как полагал руководитель школы, мозг раввина должен быть компьютером. Я вам сейчас покажу, что я — компьютер. Следующий вопрос. Вот эта зашоренность, любовь к профессии, она вас как бы не сделала лошады, которая ходит вокруг мельницы с завязанными глазами.

— А как вы думаете, почему некоторых ученых считают чокнутыми? Они могут идти, и у них будут подтяжки болтаться из брюк.

— Но это рассеянность.

— Он не знает, как штепсель воткнуть в розетку. Как это называть? Он слишком умен?

— Это гениальность.

— А мне кажется, что это односторонность, что-то очень узкое. Ничего не видеть, что дальше носа, а вот идти по своей профессии и ничего больше, дальше не зная. Великие есть пианисты, ты дашь

Муслим МАГОМАЕВ:

НА ВСЕХ НОВЫХ ТАПОЧЕК НЕ ХВАТИТ

ноты, и он сыграет гениально. А без нот не сможет сыграть на рояле по слуху «чирик-пырик». Это как называется?

— Вы должны быть страшно рассеянным.

— Нет, я сосредоточенный. Вот чтобы вбить гвозди в положенное место доски, надо быть очень сосредоточенным. Чтобы не попасть себе по пальцам. Я этим тоже занимаюсь. Вот это все дома я сам прицепил, вот эти штучки. Обои я могу наклеить. Плинтуса я здесь сам строил. Карнизы. Я за тех людей, у которых более широкий спектр деятельности, которые могут не очень узко разбираться в какой-то одной области, а могут все сделать, если захотят.

— Следует ли из этого, что вы еще одной добродетелью обладаете, что вы хорошо сбалансированный, уравновешенный человек?

— Нет, я совершенно неуравновешенный. Меня может вывести из равновесия все, что угодно.

— Например?

— Ну это неважно. Я увлекающийся человек. Мне нравится что-то делать — я делаю. Я могу и быстро забросить. Увлёкся и бросил. И на этом все. Сейчас меня заставят обои клеить — не буду. А одно время мне хотелось. Почему, я думаю, мой сосед может клеить, а я не могу, что, у меня голова не так работает?

— А предвзвешенность, помните, что значит? Вы подвержены какому-нибудь предвзвешенности? И в других людях какой предвзвешенности вы непереносим? Например, люди продолжают жить с женой или с мужем, но живут из-за детей, из-за мебели и, бог знает, чего. Это предвзвешенность?

— То, что высказали, это предвзвешенность, но который сохраняет детям жизнь. Не ломайте, скажем так. Я готов считаться, не осуждать. Если, конечно, не живут, как кошка с собакой. Что еще хуже для детей. Если живут нормально. Мало ли семей, в которых давно друг друга не любят, но в которых, как говорят, уважение появилось. Живут, ну и что. Пускай себе на здоровье живут.

— Это замечательно, что вы не знаете слова «предвзвешенность», но демонстрируете гораздо более ценное качество — искренность. Вы помните, Пушкин поет дифирамб обывателю: «Я мешанин...» Довлатов, наоборот, осудил: «Мешанин, это человек, думающий, что все у него должно быть хорошо».

— Сейчас это слово в моде. И многие считают

наоборот, что мешанин, это хорошо. Мешанин у меня ассоциируется со старой интеллигенцией. Вообще с интеллигентной больше. А я интеллигентом вообще уважаю. Конечно, не какую-то инфантильную и конфетную, но во всяком случае хорошо мыслящую и на многое идущую во имя хорошей жизни, спокойной. Может, если было бы больше интеллигенции, то было бы больше мешанин и было бы меньше войн.

— Что постоянно болит в вашей душе? Или рубец на ней всегда перед глазами? Что это такое?

— Больше всего я не люблю неизвестность. Что дальше будет? А у нас сейчас и безысходность, и неизвестность полная.

— Перенесемся в догребавское время, в застой. Тогда какая была самая сильная боль?

— Я так был рад, что закончился тот период у нас. Потому, что я один из тех артистов, которые из-за внимания властей очень переживали. Потому, что кто-то из властей меня любил, меня Брежнев любил и все главные, а не главные меня терпеть не могли за то, что меня главные любили. И они старались все гадости, какие есть на свете, мне сделать. Более того, ездили с проверкой по моим гастроллям, сколько я получил, не переполучил ли я на копейку больше, чтобы мне сделать гадость какую-нибудь, как делали не однажды. Я уж не говорю о том, что они решали, где петь, что петь, как петь, куда поехать. За границу не выпускали очень часто. И все это было очень противно. Нервотрепки были каждый день. Когда это закончилось, я очень обрадовался. Сейчас живется нормально. Платят нормально. Слава богу, деньги появились. Можно себе позволить не унижаться, не иметь знакомых директоров магазинов, завмагов и так далее, всех противных людей, иной раз с которыми и за столом сидеть не хочется. А приходилось с ними поддерживать какие-то отношения. Кошмарное было время. Но я не могу не отдать должное, что в этом времени не было такого, что сейчас творится. Был Афганистан. Был. Но, извините, чтобы на улице каждый день убивали людей, разборки были сплошные, и что боюсь за жену, когда она с собачкой выходит гулять, в садик, вот здесь вечером, и я в окно смотрю, как они гуляют. Хотя я знаю, что во всех странах так. Разборки везде есть. Взрывы в магазинах, сплошные теракты, это везде существует, но так как здесь! Мы всех переплюнули.

— Два вопроса. Первый. Тютчев: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Роковые ли эти годы для вас? Можно ли сравнить с революцией 1917 года? Революция ли то, что сейчас происходит?

— Ну нет. Пока нет. Пока у нас Ленина нет. Ну если только Анпилова Лениным назвать. Ну я не знаю. Зюганов не будет новым Лениным. Зюганов, по-моему, такой же коммунист, как и я. А тогда время было скучное. Сейчас у нас телевидение интересное. Сейчас можно чем-то себя занять. В магазинах, в которые я хожу, все есть. Правда, не на что купить, но все равно есть. Интересны эти политические баталии, это все иногда раздражает, иногда смешит, иногда вводит вообще в безумие. Но в таком моменте мы живем. А самое страшное, что все это лично мне кажется игрой, в которую нас всех втянули, и все заведомо известно. Та же Чечня, все эти игры политические, а мы сидим и боимся, как за матч, в котором уже запланирован счет, уже все оговорено, а болельщики сидят, оторваться не могут.

— То, что вокруг бедные несчастные люди — как вам, мешает это жить?

— Это больно. Это похоже, как будто вы обгорели на солнце. Тут у меня есть свое мнение, что все равно это придется перетерпеть. Назад идти — это самоубийство. Во-первых, я совершенно твердо уверен, что люди, которые голосуют за коммунистов, ошибаются, думая, что если придут к власти коммунисты, то все сразу будет прекрасно. Это неправильно. Коммунисты при всем желании ничего уже сделать не смогут. Только агония продлится еще на много лет. Надо перетерпеть, многие страны через это прошли, и мы пройдем. Только вперед, только к цивилизованному государству. Только к рыночной экономике. Правда, у нас не было бы бедных, если бы богатые были получше. Все-таки богатые должны помогать. Мы с Тамарой даже какие-то письма получаем — два-три-четыре человека пишут, мы стараемся кому-то помочь. Если точно знаем. Вот женщина нам недавно написала. Даже справку о своей болезни прислала, что у нее нет денег на лекарство. Мы, конечно же, ей помогли. Мы, конечно, не бизнесмены и не миллионеры. А вот если бы бизнесмены, те, которые отправляют мешками деньги на Запад, они бы занялись тем, чтобы помогли больным и нуждающимся, то они выросли бы намного в глазах других людей, их бы ценили. Им было бы легче жить в государстве. А так деньги уходят, неизвестно, куда.

— Когда нищие в метро просят, какую вы ставили бумажку? Какую максимально?

— У меня был случай, который меня совсем вывел из колеи. В те годы, когда 500 рублей были огромными деньгами, какая-то старушка нищая, такая убогая, просила, у меня были, кажется, четыре 500-рублевки, и я ей дал одну. Она так на эту бумажку посмотрела и вдруг залезла в какой-то мешок и туда ее сунула, как будто это рубль. И мне открылся этот мешок, полный денег. Ну, конечно, даешь нищим и сейчас. Меньше тысячи не получается. Но если я вижу, что это просто бичи или на водку явно не хватает, я им не дам. (Встает.) Извините, это конец. У меня самолет.

Олег ЮЛИС

5
Еженедельник
№28

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
-1996-11 октябрь - 65.